

часовъ и даже умѣлъ ихъ дѣлать. Поэтому, если случилось, что въ Штальбаумскомъ домѣ заболѣвали одни изъ красивыхъ часовъ и не могли больше пѣть, немедленно являлся крёстный Дроссельмейеръ. Снявши стеклянный парикъ и желтый кафтанъ, онъ подвязывалъ синій фартукъ и запускалъ во внутренность часовъ такіе острые инструменты, что маленькой Мари было за нихъ больно. Однако это не причиняло часамъ ни-

какого вреда: напротивъ того, они оживали и тотчасъ же, къ общей радости, начинали весело тикать, бить и играть. Приходя, судья всегда приносилъ въ карманѣ хорошенькую вещицу для дѣтей: то человѣчка, который поворачивалъ глаза и раскланивался самымъ уморительнымъ образомъ, то коробочку, изъ которой вы-

летала птичка, то что-нибудь еще. Къ Рождеству онъ приготовлялъ обыкновенно цѣлое произведеніе искусства, стоившее ему большого труда. Поэтому родители считали необходимымъ прятать подарки крѣстнаго Дроссельмейера и сберегать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ.

— Ахъ, какъ-бы я хотѣла знать, что подарить намъ крѣстный Дроссельмейеръ! воскликнула Мари.

— На этотъ разъ, рѣшилъ Фрицъ,—онъ принесетъ крѣпость, въ которой будутъ маршировать блестящіе солдаты. Затѣмъ придутъ другіе солдаты и бросятся на крѣпость; тогда осажденные начнутъ храбро стрѣлять изъ пушекъ, такъ что подымется шумъ и трескъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила Мари Фрица, — крѣстный Дроссельмейеръ рассказывалъ мнѣ о чудномъ садѣ. Въ немъ большое озеро. По озеру плаваютъ красивые лебеди въ золотыхъ ошейникахъ и поютъ дивныя пѣсни. Потомъ изъ глубины сада подходитъ къ озеру хорошенькая дѣвочка, манитъ къ себѣ лебедей и кормитъ ихъ вкусными конфетами.

— Лебеди не ѣдятъ конфетъ, возразилъ Фрицъ довольно рѣзко.—Кромѣ того, крѣстный Дроссельмейеръ не можетъ сдѣлать цѣлаго сада. Впрочемъ, намъ мало проку отъ его игрушекъ: у насъ сейчасъ все отбираютъ. Поэтому я больше люблю подарки папы и мамы: они остаются у насъ въ рукахъ и мы можемъ дѣлать съ ними, что хотимъ.

Тутъ дѣти начали думать и гадать о томъ, что имъ подарятъ на этотъ разъ. Мари объявила, что Трутхенъ, ея большая кукла, очень измѣнилась и стала

такъ неловка, что каждую минуту падаетъ на полъ, а это оставляетъ непріятные слѣды у ней на лицѣ. Платье ея стало совсѣмъ грязное, просто ни на что не похоже. Самые строгіе выговоры не помогаютъ. Кромѣ того, Мари замѣтила, какъ мама улыбнулась, когда она любовалась маленькимъ зонтикомъ Маргариты. Фрицъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что у него въ конюшнѣ очень недостаетъ гнѣдого коня, а въ войскахъ не хватаетъ кавалеріи. И то, и другое хорошо извѣстно папѣ.

И такъ дѣти прекрасно знали, что родители накупили для нихъ красивыхъ подарковъ и заняты въ эту минуту приготовленіями къ елкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрили, что Младенецъ Іисусъ смотритъ на все ласковыми, благочестивыми глазами и что поэтому рождественскіе подарки, осѣненные Его рукой, доставляютъ особенную радость. Объ этомъ напомнила имъ старшая сестра Луиза. Она прибавила, что Христосъ, посылая дѣтямъ подарки рукою родителей, лучше самихъ дѣтей знаетъ, что доставитъ имъ больше всего радости. Поэтому не слѣдуетъ желать, а лучше спокойно ждать, что имъ подарятъ. Маленькая Мари задумалась, а Фрицъ пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Мнѣ все-таки очень хочется получить гнѣдого коня, да гусаръ.

Стало совсѣмъ темно. Фрицъ и Мари, прижавшись другъ къ другу, не смѣли вымолвить слова. Имъ чудилось, что они слышатъ шелестъ мягкихъ крыльевъ и отдаленную чудную музыку. Яркая полоса свѣта блеснула на стѣнѣ. Дѣти знали, что это Младенецъ Іисусъ пролетѣлъ на блестящемъ облакѣ къ другимъ счастли-

вымъ дѣтямъ. Вдругъ раздался серебристый звонъ колокольчика. Двери отворились и изъ большой комнаты ворвался потокъ такого яркаго свѣта, что дѣти замерли, стоя на порогѣ, съ громкимъ возгласомъ: „ахъ, ахъ!“

Въ эту минуту папа и мама подошли къ двери, взяли ихъ за руки и сказали:

— Идите, идите, милыя дѣти, и посмотрите, что дарить вамъ Христось.

П о д а р к и.

Прошу васъ, милые читатели, вспомните, какъ вы сами радовались своей разукрашенной елкѣ, тогда вы легко представите себѣ, какъ дѣти сначала молча остановились съ блестящими глазами; какъ, наконецъ, Мари воскликнула, съ глубокимъ вздохомъ: ахъ, какъ хорошо, ахъ, какъ хорошо! а Фрицъ сдѣлалъ нѣсколько чрезвычайно удачныхъ прыжковъ. Должно быть дѣти особенно хорошо вели себя впродолженіи года, потому что еще никогда имъ не дарили столько хорошихъ вещей, какъ на этотъ разъ.

Большая ёлка посреди комнаты была украшена золотыми и серебряными яблоками. Точно бутоны и цвѣты красовались на ней пряники, разноцвѣтныя конфеты и другія сласти, а множество огоньковъ сверкали

какъ звѣзды въ темныхъ вѣтвяхъ. Чудное деревцо, казалось, улыбалось и протягивало дѣтямъ свои цвѣты и фрукты. Вокругъ него все блестѣло пестро и красиво; тутъ были прелестныя вещи! Ахъ, если бы кто-нибудь могъ описать все это!

Мари увидала прехорошенькихъ куколъ, все-возможную маленькую посуду и красивое шелковое платье, изящно украшенное цвѣтными лентами. Оно висѣло на подставкѣ передъ глазами Мари, такъ что она могла разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ, воскликнула она любуясь имъ, — что за прелестное, что за милое, милое платье! Мнѣ, конечно, позволять его надѣть!

Между тѣмъ Фрицъ три или четыре раза проска-

калъ вокругъ елки на новомъ гнѣдомъ конѣ, котораго дѣйствительно нашелъ привязаннымъ къ ножкѣ стола. Слѣзая, онъ объявилъ, что это бѣшенное животное, но что онъ съумѣетъ его укротить. И Фрицъ

началь производить смотръ новому эскадрону гусаръ. На нихъ были красные съ золотомъ мундиры и сереб-

ряное оружiе. Ихъ бѣлыя лошади блестяли точно сдѣланные изъ чистаго серебра.

Дѣти только что затихли, рассматривая раскрытыя книги съ картинками, какъ вдругъ опять раздался звонокъ. Они знали, что сейчасъ получать подарокъ отъ крѣстнаго Дроссельмейера и побѣжали къ столу, стоявшему у стѣны. Въ ту же минуту ширмы, которыя его закрывали, отодвинулись, какъ будто по командѣ. Ахъ, что за прелесть увидѣли дѣти!

На зеленомъ лугу, усыпанномъ пестрыми цвѣтами, стоялъ великолѣпный замокъ со множествомъ зеркальныхъ оконъ и золотыми башнями. Раздался звонъ колокольчиковъ; двери и окна растворились. Видно было, какъ по заламъ прогуливаются очень маленькіе, очаровательные кавалеры и дамы съ перьями на шляпахъ, въ платьяхъ съ длинными шлейфами. Средній залъ казался весь въ огнѣ, такъ ярко освѣщали его серебряныя люстры съ маленькими свѣчами. Въ немъ подъ звуки колокольчиковъ танцовали дѣти въ коротенькихъ курточкахъ и юбочкахъ. Господинъ въ зеле-

номъ плащѣ постоянно выглядывалъ изъ окна, кивалъ головою и снова исчезалъ.

Въ то-же время самъ крёстный Дроссельмейеръ, ростомъ съ папинъ большой палецъ, то выходилъ внизу изъ двери замка, то опять уходилъ.

Опершись руками о столъ, Фрицъ смотрѣлъ на чудный замокъ, на гуляющихъ и танцующихъ куколокъ и, наконецъ, сказалъ:

— Крёстный Дроссельмейеръ, пусти меня также въ свой замокъ.

Судья объяснилъ ему, что это невозможно и быть конечно правъ: со стороны Фрица было довольно глупо желать войти въ замокъ, который вмѣстѣ съ золотыми башнями былъ ниже его самого. Фрицъ съ этимъ согласился. Между тѣмъ кавалеры и дамы все на одинъ и тотъ-же ладъ прогуливались взадъ и впередъ, дѣти танцовали, зеленый господинъ высовывался изъ одного и того-же окна, а крёстный Дроссельмейеръ выходилъ изъ своей двери. Съ минуту Фрицъ смотрѣлъ на это, но, наконецъ, воскликнулъ нетерпѣливо:

— Крёстный Дроссельмейеръ, ну-ка, поди выйди въ другую дверь, вонъ съ той стороны!

— Это невозможно милый Фрицъ, возразилъ судья.

— Ну, если такъ, продолжалъ Фрицъ, — пусть зеленый господинъ, который такъ часто высовывается, погуляетъ съ другими.

— Это тоже невозможно, снова возразилъ судья

— Ну, пусть дѣти сойдутъ внизъ, воскликнулъ Фрицъ,—я хочу рассмотреть ихъ поближе.

— Это все невозможно, съ досадою сказалъ судья,— какъ механизмъ устроенъ, такъ онъ и долженъ дѣйствовать.

— Та-акъ-то? сказалъ Фрицъ, протяжнымъ тономъ,— все это невозможно? Послушай, крѣстный Дроссельмейеръ, если твои разряженныя фигурки въ замкѣ умѣютъ дѣлать только одно и то же, то онѣ никуда не годятся, и я въ нихъ не особенно нуждаюсь. Мнѣ больше нравятся мои гусары: они могутъ двигаться во всѣ стороны, куда я захочу и не сидятъ взаперти.

Съ этими словами онъ подскочилъ опять къ елкѣ и заставилъ свой эскадронъ на серебряныхъ лошадяхъ скакать впередъ и назадъ, поворачиваться, нападать и

стрѣлять сколько ему было угодно. Мари тоже потихоньку отошла, потому что и ей скоро надоѣло смотрѣть на гуляющихъ и танцующихъ куколокъ въ замкѣ, но, какъ милая и добрая дѣвочка, она не хотѣла выказать это, подобно Фрицу.

— Для неразумныхъ дѣтей не годится такое произведение искусства; я опять уложу мой замокъ, сказалъ судья съ нѣкоторой досадою.

Замѣтивъ это, мать подошла къ нему и попросила показать ей внутреннее устройство игрушки и всѣ искусно прилаженные колесики, которыя приводили въ движеніе маленькихъ куколокъ.

Судья все разобралъ, а потомъ снова сложилъ; при этомъ онъ опять повеселѣлъ и подарилъ дѣтямъ еще нѣсколько коричневыхъ мужчинъ и женщинъ съ золотыми лицами, руками и ногами. Они были изъ корицы и пахли сладко, какъ пряники. Фрицъ и Мари имъ очень обрадовались. Сестра Луиза, по желанію матери, надѣла новое платье, которое ей подарили, и была въ немъ очень хорошенькая. Мари тоже хотѣли принарядить, но она сказала, что лучше полюбуется своимъ платьемъ, не надѣвая его. Это ей охотно позволили.

Л ю б и м е ц ъ .

Дѣло было въ томъ, что Мари не хотѣлось отойти отъ ёлки, потому что она вдругъ увидѣла нѣчто, еще незамѣченное ею до сихъ поръ. Когда отодвинулись гусары Фрица, стоявшіе параднымъ строемъ у самага дерева, за ними открылся очаровательный маленькій человѣчекъ. Онъ стоялъ тихо и скромно, какъ-бы спокойно ожидая, когда придетъ его очередь. Стройностью стана онъ не отличался. Верхняя, сильно развитая часть тѣла, не шла къ маленькимъ тоненькимъ ножкамъ, а го-

лова была несоразмѣрно велика. За то платьѣ было такое нарядное и опрятное, что сейчасъ обличало въ немъ человека порядочнаго и со вкусомъ. На немъ была надѣта красивая, гусарская курточка лиловаго цвѣта, съ множествомъ бѣлыхъ шнурковъ и пуговокъ, точно такія-же

панталоны и самые щегольскіе сапожки, какіе когда-либо красовались на ногахъ франта-офицера. Сапожки эти такъ плотно обхватывали хорошенькія ножки, какъ будто были на нихъ нарисованы. При такомъ нарядномъ платьѣ онъ привѣсилъ себѣ сзади узкій, неповоротливый плащъ, который имѣлъ видъ деревянной дощечки, а на голову надѣлъ самую простую шапочку. Это показалось Мари смѣшнымъ. „Впрочемъ, подумала она, крѣстный Дроссельмейеръ носитъ прескверную накидку и никуда негодную шляпу, что не мѣшаетъ ему быть очень милымъ крѣстнымъ отцомъ“. Мари вывела даже такое заключеніе: если крѣстный Дроссельмейеръ одѣнется такъ-же нарядно, какъ